

ЭДУАРД ШЕРЕТОВ

ДОМ СВЕТЛЯЧКОВ

« Зов Горизонта »

Эдуард Шеретов

Дом Светлячков: Зов Горизонта

«Автор»

2026

Шеретов Э.

Дом Светлячков: Зов Горизонта / Э. Шеретов — «Автор», 2026

На скрытом в океане острове, где в ветвях Великого Древа живёт народ Светлячков, четырнадцатилетняя Лили мечтает о мире за горизонтом. В День Кольца она получает редкий дар — понимать язык всех живых существ. Но её взросление совпадает с тревожным событием: к берегам острова причаливает корабль гигантов, о которых веками ходили лишь пугающие легенды. В тот же день Лили находит странный металлический компас, шепчущий: «Ищи путь». Древо начинает слабеть, в его корнях появляется трещина, а в глубине острова пробуждается древняя тень. Теперь Лили предстоит решить: верить страхам прошлого или попытаться понять тех, кого все считают врагами. И, возможно, именно её дар станет мостом между двумя мирами — или откроет путь к их гибели.

© Шеретов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Секретный Остров и Зов Горизонта	5
Часть 1: Дом	5
Часть 2: День, Когда Всё Меняется	7
Часть 3: Знак с Моря и Тайна в Песке	10
Глава 2: Голоса Острова	15
Часть 1: Тревожное Утро	16
Часть 2: Мастерская Вины	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эдуард Шеретов

Дом Светлячков: Зов Горизонта

Глава 1: Секретный Остров и Зов Горизонта

Часть 1: Дом

Она не должна была здесь находиться.

Лили знала это так же хорошо, как знала запах смолы на руках отца после работы, как знала скрип третьей ступеньки винтовой лестницы – той, которую нужно обходить, если не хочешь разбудить весь дом. Эта ветвь, самая верхняя из обитаемых ветвей Солнечной Кроны, была её тайным местом. Отец называл его «Краем Благоразумия» – имея в виду, что благоразумный человек никогда не заберётся так высоко.

Лили забиралась сюда почти каждое утро.

Она втиснулась между двумя гибкими побегам, с которых ещё капала ночная роса – холодные капли скатывались по листьям и падали вниз, исчезая в высоте. Солнце только поднималось, и его первые лучи превращали каждую каплю в маленький бриллиант. Лили вдохнула полной грудью: соль бриза, сладость невидимых цветов, смолистая свежесть хвои – всё вместе, как страница любимой книги, которую открываешь снова и снова не потому, что забыла, а потому что хочешь снова почувствовать.

Внизу раскинулся её мир.

Великое Древо – Страж Веков – уходило вниз, его ствол широкий, как холм у основания, терялся где-то далеко под ней в кружеве ветвей и утреннего тумана. Кора, шершавая и тёплая даже на расстоянии, мерцала вкраплениями, похожими на застывшие звёздные россыпи. Если приложить к ней ухо – Лили делала это в детстве, и иногда делает до сих пор, хотя никому не признаётся – можно услышать глухой мощный гул. Пульсацию соков, светящихся мягким золотым светом глубоко внутри. Живая кровь острова. Источник магии.

Она медленно провела взглядом сверху вниз, как делала почти каждое утро.

Солнечная Крона – её деревня – жила в верхних ярусах, где воздух кристально чист и напоён светом. Дома, сплетённые из листьев серебристого эвкалипта, гибких побегов лозы и лепестков орхидей, казались невесомыми. Стены некоторых были настолько прозрачны, что сквозь них просвечивало небо, а окна всегда смотрели на море. Лили обожала свою комнатку: кровать из душистого мха, рабочий стол, вечно заваленный кистями из перьев колибри, краски из толчёных ягод и минералов – и стены, увешанные рисунками. Мечтами о далёких берегах. О гигантах.

Чуть ниже прятались Звёздная Ветвь и Туманный Лист – укрытые вечнозелёной хвоей, окутанные в таинственный полумрак. Там жили хранители знаний: старейшина Марси с серебристыми волосами, впитавшими свет луны, и учёный Твист с бородой, похожей на облако из паутины. Говорили, что в дуплах Туманного Листа хранились самые сокровенные, а порой и опасные секреты острова – включая запретные знания о Внешнем Мире и его обитателях. Отец никогда не говорил об этих секретах вслух. Но иногда Лили видела, как он смотрит в ту сторону, и что-то в его взгляде было похоже на страх.

Тенистая Поляна располагалась на мощных горизонтальных ветвях, образующих почти ровные площадки – царство садовников, целителей и учителей. Воздух там постоянно благоухал: то мёдом цветущих лиан, то терпкостью целебных трав, то сладостью спелых ягод. На

одной из таких полян стояла школа, где мисс Лепесток с волосами цвета утреннего неба учила юных Светлячков языку ветра и танцу цветов.

А у самого основания ствола, там, где корни Древа уходили в землю, образуя арки и гроты, дышал Корнеград – сердце ремёсел. Воздух пах стружкой, смолой, обожжённой глиной, металлом. Там была мастерская отца, вырубленная в самом большом корне. Торн называл её «местом, где дерево рассказывает, чем хочет стать». Лили думала, что это самое красивое описание работы, которое она когда-либо слышала. Хотя вслух, конечно, не говорила – отец не очень любил, когда его хвалили.

Пять деревень соединялись хитроумной сетью: тропинки из упругой паутины, сплетённой древесными пауками-шелкопрядами; живые мостики из лозы, подтягивающиеся сами, почувствовав шаг; лифты на магии солнца. И стрекозы Динки – изящные аппараты с корпусом из полированного ореха и крыльями из лепестков гигантских лилий, переливающихся перламутром. Лили улыбнулась, увидев одну из них – она бесшумно скользила между ветвями Солнечной Кроны, а пилот, сам Динки, вёл её с седой бородой, развевающейся на ветру, и очками из полированных камешков, съехавшими на самый кончик носа.

Жизнь здесь текла в гармоничном, но не скучном ритме. По утрам почтовые совы разносили «Маленький Голос» – газету на прессованных листьях, которую печатал эксцентричный Длиннонос. В последнем номере кричали о редком поющем грибе, найденном Луной на восточном склоне, и о новой модели стрекозы Вини, которая, по слухам, могла достичь самых верхних, запретных ветвей. Были и приключения – кто-то терялся в Нижних Джунглях, кто-то, как Вини в прошлом году, застревал в собственной стрекозе в слишком узком проходе. Истории эти обрастали легендами и передавались у синих костров, горевших без дыма и пепла, питаемых ветками, пропитанными магией Священной Роши.

Лили знала каждую деталь этого мира. Каждый скрип, каждый запах, каждое лицо.

И всё равно смотрела на горизонт.

Взгляд её, как магнит, притягивался туда – к невидимой границе, где синева океана сливалась с синевой неба. К тому, чего она не знала. К тому, что лежало за краем всего привычного.

Что там?

Легенды, шёпотом рассказываемые у огня в долгие вечера, говорили о гигантах. Существах, высоких, как вершина Древа, бороздящих моря на кораблях, огромных, как плавающие горы, с парусами, сотканными из облаков. Марси, самая старая и мудрая, иногда намекала, что видела одного в далёкой юности – но подробности покрывал туман времени и нежелания вспоминать. Отец же говорил о них иначе.

«Они не ведают о нас, Искринка, – говорил он, и голос его становился жёстким, как старая кора. – Их шаги – землетрясения, их голоса – раскаты грома меж гор. Носители разрушения, ненамеренного, но оттого не менее смертельного. Держись подальше от мыслей о них».

Но Лили не могла.

Любопытство горело в ней ярче синих костров. Она отказывалась видеть в гигантах просто чудовищ. В тайных рисунках изображала их людьми – огромными, да, но с глазами, полными мыслей, удивления, может быть, даже тоски. Один такой рисунок висел над её кроватью: гигант с морщинами мудрости у глаз, стоящий на носу корабля и вглядывающийся в даль – так же, как вглядывалась сейчас она.

А что если они просто не знают о нас? Что если они тоже ищут что-то?

Часть 2: День, Когда Всё Меняется

Сегодня это «что если» грызло её особенно сильно.

Завтра – День Кольца. Ей исполнится четырнадцать лет – священный возраст, когда каждый Светлячок получал магическое кольцо, раскрывающее его уникальный дар. Официальный переход во взрослую жизнь. Все говорили об этом с улыбками и праздничными голосами. Лили же уже три ночи засыпала с тихим холодком в груди.

А что если мой дар будет обычным?

Она знала, что это звучит неблагоприятно. Умение плести корзины, как отец, или выращивать поющие цветы, как мать – это были настоящие, важные дары. Но Лили жаждала чего-то другого. Чего-то, что позволит ей не просто видеть мир, а понимать его. Слышать не только шум моря, а его древнюю песню. Видеть не просто горизонт, а знать, что скрывается за его гранью.

А ещё лучше, – крамольная мысль заставила её сердце ёкнуть, – услышать мысли гиганта. Узнать его историю.

Она вздрогнула и оглянулась, словно боясь, что отец подслушал прямо с ветки под ней. Гиганты – табу. Олицетворение опасности. Синоним разрушения. Её мечты Торн называл «ветром в голове, способным навлечь беду».

«Лили! Милая, завтрак готов!»

Голос матери, Эллары, мягкий и мелодичный, как шелест листвы, донёсся снизу. Лили откликнулась и начала спускаться по спиральной лестнице, вырезанной прямо в коре Древа и отполированной до блеска поколениями её семьи. Каждый шаг отзывался знакомым скрипом – тихим приветствием древнего исполина.

Гостиная встретила теплом и уютom. Стены, живые, из самой древесины, были украшены мозаиками из перламутровых ракушек и засушенных лепестков редких орхидей. Пол устилал густой, пружинящий мох. В центре стоял массивный стол из цельного среза коры многовековой секвойи.

За столом уже собрались все.

Торн, крепкий, с добрым, но вечно озабоченным лицом и сильными мозолистыми руками, разливал по кокосовым чашкам ароматный нектар из цветов жимолости. Тёмные волосы с благородной проседью на висках были аккуратно заплетены в тугую косу – знак мастера высшего ранга. Элара, грациозная и спокойная в платье из лепестков алого гибискуса, раскладывала на резном блюде дольки манго, хрустящие медовые лепёшки и гроздья крошечных ягод «солнечные слёзы». Вини, её старший брат, уже набрал полный рот ягод – вечно растрёпанные каштановые волосы торчали во все стороны, глаза блестели озорством и чуть краснели от недосыпа. Холщовая рубаха щедро украшена пятнами тёмной смолы – верными спутниками его бесконечных экспериментов.

«С днём рождения, Лили!» – хором воскликнули они, когда она вошла.

Лили просияла. Тревога на мгновение растаяла под теплом семейной любви.

Подарки ждали её, завернутые в большие мягкие листья банана и перевязанные тонкими лозами. Мать подала первой – ожерелье из крошечных отполированных морских ракушек, перемежаемых бусинами из высушенных семян «воздушного шара», которые переливались в утреннем свете, отбрасывая радужные зайчики. «Это так чудесно, мама!» – Лили тут же надела его, чувствуя приятную прохладу ракушек на коже.

Отец протянул резную шкатулку из тёмного дерева с инкрустацией из светлой коры. На крышке – изящный светлячок в полёте. Внутри лежал роскошный набор для рисования: кисти с нежнейшими ворсинками из перьев колибри, тюбики из выдолбленных стеблей бамбука с

красками всех мыслимых оттенков, стопка плотной бумаги из спрессованных волокон особого листа. «Папа, это идеально!» – Лили бросилась обнимать отца, вдыхая знакомый запах древесной смолы и свежей стружки. Его объятия были крепкими, надёжными, как корни Древа.

Вини сунул ей в руки маленький мешочек из грубоватой ткани. «От меня! Нашёл у Скалы Шепчущих Ветров!» На бархатистой тёмной ткани лежали три семечка. Одно сияло чистым золотом, второе переливалось глубоким сапфировым светом, а третье, самое маленькое, пульсировало мягким изумрудным сиянием. Они были тёплыми на ощупь.

«Это...» – Лили не находила слов.

«Семена с магией!» – торжественно объявил Вини. «Говорят, золотое вырастет в деревце, светящееся в темноте, синее – в цветок, шепчущий секреты ветра, а зелёное – сюрприз! Никто толком не знает, но оно самое редкое!»

«Ты слишком хорошо меня знаешь!» – рассмеялась Лили, осторожно сжимая мешочек в ладони, чувствуя лёгкую вибрацию семян.

Завтрак превратился в маленький пир. В центре стола красовался торт – лёгкий бисквит из воздушной муки и ягодного пюре, украшенный четырнадцатью крошечными восковыми свечками. Лили зажмурилась, загадывая желание – Узнать правду о гигантах! Увидеть мир за горизонтом! – и задула свечи одним выдохом под радостные возгласы.

Вини подмигнул: «Отличное желание, сестрёнка! Только не про гигантов, а то папа сейчас прочтёт нам лекцию о бдительности!» Торн нахмурился, но в уголках его глаз заплясали смешинки. Элара рассмеялась своим колокольчиковым смехом: «Оставьте Лили в покое. В свой день рождения она имеет право загадать любое желание, даже самое... горизонтное».

Позже, когда Лили вышла прогуляться по деревне перед волнующей церемонией, тень тревоги вернулась. Она шла по знакомым тропинкам, мимо домов, каждый из которых был уникальным произведением искусства.

Дом госпожи Пестик, старейшей целительницы, почти полностью зарос светящимся мхом «Лунное Сияние». Мягкое зеленовато-голубое свечение привлекало не только ночных бабочек, но и днём создавало волшебную ауру. Сама госпожа Пестик сортировала пучки сушёных трав на пороге. Её глаза, острые и проницательные, как у старого филина, сразу нашли Лили.

«Лили, дитя моё, – голос её был мягким, но обладал странной властью, – приближается твой час. Духи острова шепчут о необычном пути. Не страшись дара, каким бы он ни явился.» Она протянула маленький пучок трав, перевязанный золотистой нитью. «Положи под подушку. Сны подскажут, а страхи отступят.»

У входа в школу стояла мисс Лепесток. Длинные волосы цвета нежных перьев зимородка развевались на утреннем ветерке. «Сегодня звёзды сложились для тебя особо, Лили, – улыбнулась учительница. – Камень Перемен не ошибётся. Он видит искру внутри.»

Лили не удержалась и призналась в своём страхе – получить дар обыденный, не соответствующий её грёзам.

Мисс Лепесток рассмеялась – лёгкий звук, похожий на звон хрустальных колокольчиков. «Обычный? У тебя, Лили Солнечная Крона? Ты родилась под знаком странника, с искрой любопытства, горящей ярче полуденного солнца. Доверься Камню. Он знает твоё сердце лучше, чем ты сама.»

На рынке Тенистой Поляны царило привычное оживление, но сегодня оно казалось Лили особенно ярким.

«Нектар из первых бутонов розы Рассвета! Только сегодня!»

«Корзины от мастера Торна! Невесомые и вечные!»

«Светящиеся бусины из росы Полной Луны! Лови удачу!»

Лили остановилась у прилавка Пузо, круглолицего, вечно улыбающегося торговца красками. «А, именинница!» – приветствовал он. «Новый оттенок есть – «Глубина Абрисовой

Бездны». Из толчёных раковин глубоководных моллюсков, что светятся в темноте сами по себе!» Он протянул крошечный бамбуковый тюбик. Краска внутри переливалась таинственным сине-фиолетовым светом. «Для будущей прославленной художницы острова – особенная цена!» Лили расплатилась несколькими ракушками-монетками, бережно убирая тюбик в поясную сумку.

И тут же, протискиваясь сквозь толпу с корзиной, полной сочных ягод «алмазная роса», появилась Луна – её лучшая подруга. Фиолетовые волосы, коротко остриженные и вечно торчащие в разные стороны, были сегодня особенно хаотичны. Большие карие глаза сияли озорством. «Лили! Ты здесь! Я тебя везде ищу!» – Луна чуть не выронила корзину, пытаясь обнять подругу. «Ты готова к сегодняшнему дню? У меня мурашки! Говорят, Камень Перемен в Зале светился всю прошлую ночь – это точно знак для тебя!»

Лили почувствовала, как тревога отозвалась на возбуждение подруги. «А вдруг мой дар будет скучным? – призналась она тихо. – Вроде умения считать звёзды или заплетать лозы особенно крепко?»

Луна фыркнула так громко, что несколько покупателей обернулись. «Скучным? Ты? Лили, да ты же родилась для чего-то эпического! Может, ты будешь управлять погодой? Или разговаривать с самим Древом?» Она понизила голос до драматического шёпота, наклонившись так близко, что фиолетовая прядь упала Лили на щеку: «Или... говорить с гигантами?»

Лили вздрогнула, как от удара током, и инстинктивно оглянулась. «Луна! Тише! Если папа услышит...»

Луна откинула прядь, её глаза смеялись. «Ой, да ладно тебе! Твой папа просто видит опасность в каждой тени, которая длиннее его линейки. Но я-то знаю – ты мечтаешь встретить гиганта. Признавайся!»

Лили покраснела, но сдержать улыбку не смогла. «Может... может и хочу. Но это наш секрет, хорошо? Клянёшься на самом большом орехе?»

«Клянусь!» – Луна сделала вид, что завязывает узел на языке. «Мой рот – сундук с семью замками! Ну, почти... А теперь идём к пруду! У меня есть новые ягоды для храбрости перед церемонией!»

Они направились к маленькому пруду у самого основания Великого Древа, где росли светящиеся лилии «Звёздные Кувшинки». Их огромные белые лепестки с золотыми прожилками испускали мягкое сияние, отражая небо даже днём, а крошечные рыбки-искорки оставляли серебристые следы в чёрной воде. Сидя на краю, свесив ноги над тёмной гладью, они болтали. Луна щедро делилась ягодами «алмазная роса», которые таяли во рту, оставляя вкус прохлады и дикой сладости. Говорили о церемонии, о возможных дарах, о том, как Луна мечтает однажды найти легендарный Цветок Вечного Пения.

Но тревога Лили не уходила.

Она смотрела на отражение Древа в воде – мощное, величественное, но сегодня в его очертаниях была едва уловимая тень усталости. Или ей показалось?

«Луна, – тихо спросила Лили, – ты не боишься? Что твой дар окажется не тем, о чём ты мечтаешь?»

Луна задумалась, перестав жевать ягоду. Её озорное выражение лица сменилось на мгновение редкой серьёзностью. «Немного. Но Камень Перемен – он как часть самого острова. Он знает, что нам на самом деле нужно, даже если мы сами этого не понимаем. Доверяй ему, Лили. Просто доверяй.»

Часть 3: Знак с Моря и Тайна в Песке

Их мирный разговор прервал звук.

Низкий. Протяжный. Вибрирующий – не как гром, а как-то иначе. Металлически. Механически. Он шёл не с неба.

Он шёл с моря.

И нарастал.

Лили и Луна замерли, как статуи. Звук повторился – сильнее, явственнее. Уже не гул, а мощный басовитый гудок, разрывающий морскую тишину, как будто огромное горло протрубило предупреждение. Рыбки-искорки в пруду испуганно метнулись в глубину. Листья Кувшинок мелко задрожали.

Лили вскочила.

На горизонте, где раньше была лишь пустота, появилась точка. Маленькая, тёмная, почти незаметная. Но она росла. Неумолимо. Формы вырисовывались: высокие мачты, надутые ветром паруса – белые, как облака – корпус, блестящий на солнце, как чешуя гигантской рыбы.

«Гиганты...» – прошептала Лили. Её мечта материализовалась на горизонте. Но вместе с ней пришла и холодная волна страха. Корабль был больше всего, что она когда-либо видела. Больше самой большой ветви Древа.

«Лили, нам надо уходить!» – Луна потянула её за руку, лицо побледнело. «Если твой папа узнает, что мы здесь... и если они увидят нас!»

Но любопытство Лили было сильнее страха, сильнее голоса разума. «Просто посмотрим, Луна. Один миг. Пожалуйста?» Луна вздохнула, но в её глазах тоже вспыхнул огонёк приключения. «Ладно! Но если нас поймают, я скажу, что это твоя идея! И ты меня заколдовала!»

Они прокрались к самому краю Солнечной Кроны, к тому месту, где ветви Древа нависали над крутым обрывом к берегу. Густые заросли лиан, папоротников с листьями размером с саму Лили и цветущих орхидей служили им идеальным укрытием. Добравшись до уреза воды, они спрятались за огромным кожистым листом пальмы «Страж Берега» и выглянули.

Корабль был невообразим. Целый плавучий город. Мачты, казалось, царапали небо. Паруса, огромные полотнища плотной ткани, ловили ветер, заставляя судно легко скользить по воде. На палубе мелькали фигуры – большие, смутные на расстоянии, но неоспоримо живые. Неоспоримо разумные. Один из них подошёл к борту, и Лили почувствовала, как земля под ней дрогнула. Не миф. Реальность.

«Лили, они огромные!» – прошептала Луна, пальцы впились в руку подруги. «Нам надо идти! Если они решат высадиться...»

Внезапный шорох за спиной – не ветер, не зверёк. Что-то большое.

Девочки обернулись, ожидая разгневанного Торна или одного из стражей. Но из зарослей, бесшумно ступая по мягкому мху, вышел Коа.

Огромный тигр. Его шкура – шелковистое полотно из чистого золота и чёрного бархата – переливалась в лучах солнца. Мощные лапы с мягкими подушечками не оставляли следов на песке. Но больше всего поражали глаза – огромные, миндалевидные, цвета молодой весенней листвы, светящиеся собственным мудрым изумрудным светом. В них читался нездешний ум, глубина веков и лёгкая терпеливая насмешка.

«Что вы, маленькие искорки, делаете в столь неподходящем месте и час?» – его голос был низким, как отдалённый гром над морем, но удивительно мягким, как шелест листвы под ласковым ветерком.

Лили проглотила ком в горле. «Мы... просто смотрели на море. На рассвет.»

Коа фыркнул, его великолепные белые усы дрогнули. «Смотрели на море или на тех, кто приплыл на его волнах? Ваши сердца стучат, как крылья перепуганной колибри в клетке ястреба.» Его изумрудные глаза изучали их, казалось, видя каждую мысль, каждую тайную мечту.

Луна пискнула, съёжившись за спиной Лили. Лили выпрямилась, стараясь говорить твёрдо, хотя голос чуть дрожал: «Корабль... он настоящий? Гиганты? Они пришли?»

«Настоящий, – подтвердил Коа, его взгляд стал серьезнее, глубже. – Носители перемен, желанных или нет. Море шепчет о тревоге, ветер приносит запах чужих земель. Возвращайтесь в свою деревню, маленькие. Это не место для юных любопытных сердец.» Он сделал шаг вперёд – и его присутствие, величественное и неоспоримое, наполнило воздух. Это был не приказ. Это был закон природы.

С тяжёлым сердцем, но без возражений, Лили кивнула, бросив последний жадный взгляд на корабль-исполин. Они с Луной поспешили назад. Но у самой тропы, ведущей вверх к деревне, их ждал ещё один сюрприз.

Пип, младший брат Луны – вечный двигатель и источник хаоса с огненно-рыжими вихрами и глазами, слишком большими и любопытными для его лица, – копошился у подножия огромного корня. Он что-то яростно откапывал из песка маленькой лопаткой из рыбьей кости. Увидев сестру и Лили, вскочил – лицо сияло триумфом.

«Лили! Луна! Смотрите! Нашёл! Настоящее сокровище!»

Он протянул им зажатый в грязном кулаке предмет. Чужеродный. Тяжёлый для его рук. Круглый, диаметром с ладонь Лили, сделанный из холодного гладкого металла. Сверху – толстое слегка выпуклое стекло, под которым дрожала и показывала в одну сторону тонкая стрелка. По металлическому ободку шли замысловатые символы: стилизованные звёзды, волны, угловатые незнакомые знаки. Покрытый песком и солью. Явно не творение природы и не работа Светлячков.

«Это что?» – ахнула Лили, присев на корточки рядом. Сердце снова застучало – но теперь от другого волнения.

«На берегу! У Чёрной Скалы! Лежало среди камней, будто море выплюнуло!» – Пип тряс находкой, едва не роняя её. «Это от них, правда? От гигантов! Настоящее иноземное сокровище!»

Луна нахмурилась, скрестив руки. «Пип, ты не должен был брать это! Это чужая вещь! Опасная! Если Реза или старейшины узнают...»

«Никто не узнает! Клянусь самым блестящим жуком!» – Пип прижал предмет к груди. «Оно моё! Я нашёл!»

Лили протянула руку. «Дай посмотреть. Осторожно.» Пип неохотно, но передал.

Предмет был тяжелее, чем выглядел. Холодным. Стрелка под стеклом дрожала, упорно указывая в одном направлении – на северо-запад, вглубь острова, а не на море. Лили почувствовала лёгкую вибрацию, идущую от него, и едва уловимое присутствие. Не звук – ощущение в костях. Слабый зов: Ищи... Ищи...

«Мы должны спрятать это, – сказала Лили тихо, но твёрдо, пальцы сжали холодный металл. – Это кусочек мира за горизонтом. Осязаемое доказательство. Ключ... или ловушка?»

«Лили, ты с ума сошла?» – Луна смотрела на неё с ужасом. «Это же как магнит для неприятностей!»

«Я знаю. Но если это от гигантов... может, это поможет нам понять их. Пип, ты никому не скажешь? Ни папе, ни Резе, ни даже Вини? Это наш секрет – на всех троих?»

Пип надул щёки, потом энергично кивнул, рыжие вихры подпрыгнули. «Секрет! Клянусь самым большим орехом в истории!» Он сделал вид, что запечатывает рот воображаемой печатью.

Лили спрятала странный предмет – компас, как она мысленно назвала его – в глубокий карман своей туники. Тяжесть его была и обузой, и щемящим обещанием неизведанного. Они поспешили назад в деревню, растворяясь в тени Великого Древа, как три маленьких тневых листка.

Возвращаясь домой, Лили помогла матери убрать со стола, но мысли её витали далеко. Она достала новую краску «Глубина Абрисовой Бездны» и кисть из перышка колибри. Но вместо привычных пейзажей острова рука сама вывела контуры огромного корабля с могучими белыми парусами. А на его палубе – фигура гиганта. Не страшного. Задумчивого. Смотрящего на горизонт с таким же немym вопросом, с каким смотрела сейчас она. Она назвала рисунок «Искатель».

Перед тем как надеть праздничное платье для церемонии, Лили спрятала компас глубоко под кровать, в старую коробку из-под красок, заваленную первыми наивными рисунками. Тяжесть в кармане исчезла, но ощущение тайны осталось – как и слабый, навязчивый зов: Ищи... Ищи...

Голос отца прервал её размышления: «Лили, пора. Великий Зал ждёт.»

Семья направилась в сердце Древа – по широкой галерее внутри ствола, освещённой светящимся мхом. Воздух здесь был тёплым, пахнущим древесной смолой и древностью. Сам Зал поражал воображение: высокие своды терялись в полумраке, стены из живой древесины светились изнутри мягким золотистым светом, потолок был усыпан тысячами заколдованных кристаллов, мерцающих как настоящие звёзды. Сегодня зал украшали гирлянды живых светящихся орхидей и ленты из переливающейся паутины. Собрались Светлячки со всех пяти деревень – нарядные, возбуждённые, шепчущиеся.

Во главе зала, на невысоком возвышении из переплетённых корней, стояла старейшина Марси. Её серебристые волосы, заплетённые в невероятно сложную косу, сияли, как лунный свет. В руках – посох Хранителя из окаменевшей древесины Первого Древа, увенчанный пульсирующим Камнем Силы. Её глаза, глубокие, как омуты, смотрели на Лили с теплотой – и с чем-то ещё. Глубоким знанием. Предвидением.

«Добро пожаловать, Лили из Солнечной Кроны, дитя Ветра и Любопытства, – голос Марси звучал тихо, но заполнял весь огромный зал, заставляя умолкнуть последние шёпоты. – Сегодня ты ступаешь на древний путь познания себя и силы, которую дарит тебе наш остров-дом. Прими дар, как принимаешь дыхание, и используй его с мудростью сердца.»

Лили почтительно поклонилась, чувствуя, как её сердце колотится так громко, что, казалось, его слышат кристаллы на потолке.

Марси подвела её к небольшому пьедесталу из светящегося мха. На нём лежало кольцо. Простая изящная полоска серебристого металла с Камнем Перемен. Камень был непостоянен – его цвет переливался, как масляная плёнка на воде: от глубокого изумрудного до небесно-голубого, от солнечно-золотого до таинственного аметистового. Он жил, пульсировал внутренним светом, словно маленькое сердце. Сегодня горел особенно ярко.

«Это кольцо выбрано для тебя духами острова и волей самого Древа, – сказала Марси. – Оно пробудит силу, дремлющую в твоей душе, как семя пробуждается весной.»

Дрожащими руками Лили взяла кольцо. Оно было тёплым, как живое. Она надела его на палец правой руки.

Мгновение тишины.

Потом мир взорвался.

Не светом. Не звуком.

Голосами.

Они хлынули в её сознание, как бурная река, прорвавшая плотину. Не словами на знакомом языке – чувствами, образами, чистым смыслом, мгновенно понятным.

Она посмотрела на маленькую коричневую птичку, чистившую перышки на подоконнике Зала. И услышала: «Тепло... солнце... спина чешется... а вон там, в трещине, жирный паук сидит! Обед!» Она взглянула на гирлянду светящихся орхидей над входом. И почувствовала их довольное мурлыканье: «Светим... радуем... мотылёк прилетел, глупый, обожжётся о сияние... сладко!» Даже мох под её ногами делился своими тихими мыслями о сырости и покое: «Тяжело... много ног... но мягко... хорошо.» Воздух наполнился шёпотом листьев за окнами, жужжанием невидимой пчелы, сонным бормотанием зверька в дупле далеко наверху. Это был не хаос. Это была симфония жизни, и Лили вдруг стала её дирижёром и самым внимательным слушателем одновременно.

«Я... я их слышу! Всех! Птицу, цветы, мох... всех!» – её голос прозвучал громко в наступившей тишине.

Марси улыбнулась, и в её глазах вспыхнула глубокая гордость. «Твой дар – Общение, Лили Солнечная Крона. Ты можешь понимать и говорить со всеми живыми существами – от мельчайшей букашки до самого Великого Древа. Дар редкий, древний и несущий великую силу. Используй его с мудростью сердца, ибо он принесёт тебе и великую радость единения, и великую тяжесть понимания в грядущие времена. Он – твой мост и твой щит.»

Зал взорвался аплодисментами, возгласами, смехом. Дети запрыгали. Длиннонос лихо-радочно строчил на своём пергаменте. Луна подбежала и чуть не задушила Лили в восторженных объятиях.

Но радость была недолгой.

Внезапный переполох у главного входа. Толпа расступилась, пропуская запыхавшегося, перемазанного в земле Пипа. Его глаза были круглыми от ужаса, лицо бледным. Он вбежал в центр зала и, задыхаясь, выкрикнул на всю наступившую тишину:

«Корабль! На море... корабль! Он... он бросил якорь! Прямо у Западного берега! И... и шлюпка! Огромная шлюпка плывёт к берегу! В ней... гиганты! Они... они идут сюда!»

Тишина, наступившая после этих слов, была громче любого крика. Все замерли. Праздничное веселье сменилось ледяным ужасом. Лили не только видела этот страх на побледневших лицах – она чувствовала его теперь, как ледяную волну, прокатившуюся по залу. Торн шагнул вперёд, его лицо стало каменной маской решимости. Рядом появилась Реза – молодая Светлячок в лёгких доспехах из тёмного дерева и ореховой скорлупы, усиленных блестящими рунами. Её тёмные глаза горели холодной яростью и готовностью. В руке – короткое острое копьё.

«Пип, что ты видел? Где точно?» – голос Торна резал тишину, как сталь.

«У Чёрной Скалы! Шлюпка... как дом! Гребцы... огромные! Как... как ходячие деревья!» – Пип задыхался, указывая рукой в сторону запада.

Марси подняла руку, её посох вспыхнул ярче, восстанавливая порядок. «Спокойствие! Стражи – на позиции! Усилить кольцо защитных чар! Реза – возьми группу, наблюдай за берегом издали! Все остальные – по домам! Торн, координируй оборону Корнеграда!»

Торн кивнул, его взгляд вонзился в Лили. «Лили, Вيني – домой. Немедленно.» Это был приказ военачальника, а не отца.

Лили открыла рот, чтобы протестовать – сказать, что её новый дар может помочь, что она должна понять гигантов, поговорить с ними... Но взгляд отца был непреклонен. Луна сжала её руку. «Пойдём,» – прошептала она.

Лили позволила увести себя, но оглянулась на зал. На лица Светлячков, искажённые страхом неизвестности. На Марси – чьё выражение было непроницаемым, но в глубине мудрых глаз Лили уловила тень глубокой тревоги. И ощутила компас, невидимый, но ощущаемый тяжестью где-то под кроватью и настойчивым шёпотом в самой глубине её нового, открывшегося восприятия: Ищи... путь...

Когда они вернулись домой, Торн сразу занялся проверкой защитных чар вокруг жилища. Элара пыталась успокоить Вини, который нервно теребил модель стрекозы, но её собственные пальцы слегка дрожали. Лили стояла у окна, глядя не в сторону Западного берега, а вглубь острова – туда, куда указывала стрелка компаса.

«Ты думаешь о корабле?» – тихо спросил Вини, подойдя к ней. Его обычная озорность куда-то испарилась, сменившись сосредоточенной серьёзностью.

Лили кивнула, не отрывая взгляда от зелени за окном. «Я хочу знать, Вини. Кто они? Почему приплыли? Может... может мой дар поможет это понять? Может, они не враги?»

Вини вздохнул, проводя рукой по растрёпанным волосам. «Папа тебя в мастерскую на вечную ссылку отправит, если узнает о таких мыслях. Но...» – он посмотрел на её кольцо, – «... твой дар... он особенный. Если кто и сможет поговорить с великанами, так это ты. Просто... будь осторожна, сестрёнка. Если ты права – всё изменится. Навсегда.»

Ночь опустилась на остров, принеся не тишину, а тревожное ожидание. Лили лежала в своей кровати из душистого мха, но сон не шёл. Она слушала. Голоса деревни притихли. Но голоса природы звучали громче и тревожнее. Ветер шептал о чужаках, тяжёлых и шумных, о запахе железа и чужой смолы. Море гудело тревогой. Само Древо, казалось, напряглось – его древняя древесина тихо стонала, корни глубже впились в землю, словно ища опору. И сквозь всё это, как настойчивый ритм барабана, пробивался шёпот компаса, спрятанного под кроватью: Ищи... путь... Ищи...

А за окном, на горизонте, тёмный силуэт корабля гигантов чернел на фоне звёзд – злое и величественный одновременно. Лили сжала кольцо, чувствуя его ответную пульсацию.

Её приключение, её истинный путь, начинался именно сейчас. И где-то в глубине острова, в Запретной Роще, тёмная тень, дремавшая веками, шевельнулась, почуяв пробуждение древней силы. Тень звалась Ксар, и её время приближалось.

Глава 2: Голоса Острова

Лили проснулась не от крика чаек и не от привычного щебета Солнечных Воробушков, которые каждое утро ссорились за лучшее место на перилах обзорной площадки. Она проснулась от шёпота.

Мягкого, но настойчивого – как стук капель ночной росы о лист, когда всё вокруг тихо и именно поэтому каждая капля громкая. Этот шёпот струился не только от кольца – Камня Перемен, пульсирующего на пальце тёплым золотистым светом – но и от самой древесины, из которой был сплетён её дом. Стены, обычно тёплые и уютно поскрипывающие в ночи, сегодня вибрировали едва уловимо, как вибрирует натянутая струна, которую только что задели.

А сквозь щели в оконных рамах из гибкого бамбука тянулся ветерок, пахнувший не только солёным морем и сладким нектаром ночных орхидей. Он пах ещё чем-то. Чем-то, для чего у Лили не было слова, но которое она узнала бы теперь из тысячи других запахов.

Усталостью. Усталостью самого Древа.

Лили лежала неподвижно, глядя в потолок – в переплетение ветвей и паутины, сквозь которое просвечивало бледное предзвездное небо. После вчерашней церемонии мир звучал иначе: полнее, объёмнее, как будто кто-то убрал стекло между ней и тем, что её окружало. Птица за окном думала о червях – конкретно, с аппетитом, с картой, где отмечено лучшее место. Мох на подоконнике тихо радовался утренней влаге, каждой её капле в отдельности. Маленький жук под кроватью полз куда-то с ощущением важной миссии.

Но сквозь всю эту живую симфонию пробивалось нечто иное.

Глубокий, прерывистый стон, идущий снизу – из самых корней, из самого основания, которое держало всё остальное. Не звук. Ощущение. Как если бы земля под островом вздохнула с болью, пытаясь это скрыть и не справляясь.

Лили вскочила с кровати.

Часть 1: Тревожное Утро

Она выбралась на свою обзорную площадку ещё до того, как первые лучи успели высушить росу. Рассвет разливал по небу розовые и персиковые краски – те, которые обычно казались ей лучшим началом любого дня. Сейчас она смотрела мимо них.

Взгляд её невольно притянулся к листве Великого Древа.

Несколько листьев – обычно сиявших изумрудным светом даже в сумерках, как маленькие фонари, которые никогда не гасят – висели тусклыми. Желтоватые края, как бывает у листьев поздней осенью, только сейчас была середина лета. Один, совсем иссохший, оторвался, пока Лили смотрела – оторвался без ветра, сам по себе – и закружился вниз, как печальная золотая монетка, потерявшая всякую ценность.

А внизу, у самого основания исполинского ствола, там, где мощные корни образовывали арки Корнеграда, Лили заметила нечто новое. Тонкую, тёмную трещину в коре. Едва заметную – если не знать, куда смотреть. Но она знала. Её дар знал. Неестественную – как шрам, который ещё не затянулся, а только обозначился.

Вчера этой трещины не было. Или была, но она не видела. Или не хотела видеть.

Лили прижала ладонь к тёплой, шершавой коре ветки, на которой сидела, и сосредоточилась. Дар откликнулся – новый, ещё не обжитой, как новая туника, которую нужно разносить, пока она не стала твоей. Ощущение пришло не словами, а чувствами, образами – как приходят самые важные вещи, которые слишком большие, чтобы помещаться в слова.

Глубокая, глухая боль. Усталость, которой не одна ночь и не одна неделя – усталость, которая копилась долго. И под болью – слабый, отчаянный шёпот, похожий на голос человека, который давно кричит в закрытую дверь и уже не уверен, что его услышат: «Свет... угасает... корни... слабеют... Торопись...»

Сердце Лили сжалось так, что на секунду стало трудно дышать. Она вдохнула полной грудью – раз, другой, третий – пытаюсь унять дрожь в руках.

В кармане туники что-то холодное дрогнуло.

Компас.

Она достала его. Металлический круг был холодным на ощупь – неожиданно холодным для тёплого утра, для тёплой руки, которая держала его. Тонкая стрелка под стеклом, обычно упрямо показывавшая на северо-запад, вглубь острова, сейчас дрожала и крутилась беспорядочно – как стрелка живого компаса, которая потеряла север. Лили прижала его к уху. Ощутила не звук, а вибрацию, идущую из самого металла – тот же настойчивый шёпот, что и от Древа, но другой. Более отчётливый. Более направленный. Как будто кто-то говорил не криком – прямо в ухо.

«Ищи... путь... Ищи...»

– Что ты хочешь мне сказать? – прошептала она, сжимая холодный металл. – Куда ведёшь?

Стрелка дрогнула – и на секунду остановилась. Показала не на север и не на запад. Показала вниз – к трещине у корней, а потом ещё дальше, куда-то под землю. Туда, где корни уходили глубже памяти острова.

Лили смотрела на трещину. Потом на компас. Потом снова на трещину. Связь была очевидной – такой очевидной, что удивительно, как её не видели другие. Компас появился на берегу одновременно с первыми признаками болезни Древа. Не до. Не после. Одновременно.

Совпадений не бывает. Это Марси говорила всегда, хотя именно Марси её бы сейчас отправила домой.

Шорох за спиной заставил Лили вздрогнуть и резко убрать компас в карман. Она обернулась, ожидая увидеть разгневанного Торна с его каменным лицом военачальника, или стража Резу с её профессиональным взглядом, который видит всё. Но из зарослей серебристого эвкалипта ловко вынырнула Луна.

Её фиолетовые волосы, коротко остриженные и вечно торчащие во все стороны, были особенно растрёпаны – такими они бывали, когда Луна либо только что вскочила с постели, либо бежала. Судя по покрасневшимся щекам – бежала. В руках она сжимала плетёную корзинку, доверху наполненную крошечными рубиново-красными ягодами «утренний рубин», от которых шёл сладкий пьянящий аромат. Большие карие глаза подруги сияли привычным озорством – но в их глубине Лили уловила тень той же тревоги, что грызла её саму с самого пробуждения.

– Лили! – Луна уселась рядом, свесив ноги над бездной, и поставила корзинку между ними с видом человека, принёсшего боеприпасы на войну. – Опять не спишь?

– Компас разговаривает со мной, – сказала Лили тихо, оглядываясь. – Сильнее, чем вчера.

И Дерево...

Она кивнула вниз – к трещине у корней. Маленькой, почти незаметной, если не знать.

Луна ахнула. Её глаза стали круглыми, как совиные. Она наклонилась так близко, что фиолетовая прядь упала Лили на щеку.

– Говорит? Что говорит?

– «Ищи путь», – ответила Лили. – Но я пока не понимаю куда. – Она помолчала. – И Дерево болеет, Луна. Я чувствую его боль. Не просто усталость – боль. Нам нужна помощь. Нужно показать компас Вина – он разбирается в механизмах, может, поймёт, как тот работает.

Луна нахмурилась. Между бровями образовалась маленькая складочка, которая всегда появлялась, когда она серьёзно волновалась – в отличие от большой складки, которая появлялась, когда она просто притворялась серьёзной.

– Ты уверена? Если твой папа узнает – нас в мастерскую на вечную ссылку отправит, плести корзины до старости. – Она понизила голос до драматического шёпота, хотя никого вокруг не было. – А если Марси прознает... – большие глаза стали ещё больше, – ...она нас в самую глубокую, самую колючую корзину на острове посадит. Лично.

Лили рассмеялась – но в её смехе слышались нотки нервозности.

– Знаю. Но этот компас – он не просто железяка. Я чувствую, Луна. Он связан с моим даром. И с кораблём. И с трещиной. Всё это – одна история. Только я пока не знаю, какая.

Луна вздохнула глубоко – как ныряльщик перед прыжком в особенно холодную воду. Потом посмотрела на корзинку. Потом на Лили. В её глазах вспыхнул знакомый огонёк – тот самый, который появлялся всегда, когда здравый смысл уступал авантюризму.

– Ладно! – сказала она с видом человека, принявшего важное решение. – Но если нас поймут, я скажу, что ты меня загипнотизировала своим новым кольцом! – Она сунула в рот горсть «утренних рубинов», и сок окрасил её губы в алый цвет. – И ягоды беру с собой. Для храбрости!

Часть 2: Мастерская Вини

Они спустились по спиральной лестнице, вырезанной прямо в коре Древа. В доме царила тишина особого рода – та, что бывает, когда все ещё спят, но уже ненадолго. Элара мелодично посапывала из спальни родителей. Из глубины дома, из Корнеграда, доносилось далёкое ритмичное постукивание: Торн уже начал работу.

Лили прислушалась. Постукивание было ровным, методичным – такой ритм бывал у отца, когда мысли требовали занятых рук. Он знал о корабле. Знал о решении Совета принять гигантов. Знал – и работал с деревом, потому что другого способа справиться с тревогой у него не было.

Комната Вини, как всегда, напоминала гнездо гиперактивного дракона, увлечённого механикой. Не беспорядок – именно гнездо: продуманный хаос, в котором хозяин ориентировался с закрытыми глазами. Полки ломились от шестерёнок, выточенных из ореховой скорлупы, листьев со свёрнутыми чертежами, крошечных винтиков из рыбьих костей и причудливых конструкций, которые жужжали, мигали или тихо пускали пар. Воздух пах смолой, маслом и чем-то сладковато-горячим – запахом эксперимента в процессе.

Сам Вини, в холщовой рубаше с пятнами тёмной смолы – своими верными спутниками, – склонился над столом. На нём возвышалась его последняя гордость: модель стрекозы «Молния-7». Корпус выточен из полированного ореха. Крылья – из тончайших, переливающихся перламутром лепестков гигантских лилий. Хвостовая часть чуть дымилась лёгким ароматным паром от крошечного котла, питаемого магией солнца. Вини что-то подкручивал костяным инструментом. Каштановые волосы торчали во все стороны. На носу красовалось свежее пятно смолы – явно поставленное уже сегодня, потому что вчерашнее было в другом месте.

– Вини! – прошептала Лили, аккуратно закрывая дверь. Не щёлкнула – потянула, пока не встала на место бесшумно.

Вини вздрогнул и чуть не уронил хрупкое крыло – оно качнулось, замерло, устояло.

– Лили? Луна? – Он обернулся, прищурившись. – Если вы опять про гигантов – пас. Папа вчера вечером чуть не конфисковал мои тиски. Сказал: если хоть раз упомяну их – буду чинить корзины для всей деревни до следующего Дня Кольца.

Он мрачно кивнул на угол. Там лежала груда сломанных корзин – видимо, вчерашнее наглядное пособие на тему «вот чем ты займёшься».

– Не совсем про гигантов, – начала Луна, но Лили уже доставала компас. Она положила тяжёлый металлический диск на стол – рядом с «Молнией-7», так, чтобы Вини мог рассмотреть его, не подходя.

Вини замер. Его взгляд – всегда живой, перескакивающий с предмета на предмет, – прилип к компасу намертво. Он осторожно взял его двумя руками, как берут нечто, ценность которого ещё не понял, но уже чувствует. Поднёс к свету, исходившему от светящегося мха в потолочном светильнике. Повертел. Поднёс ближе к глазам. Отнёс подальше. Стрелка под стеклом дёрнулась и замерла, указывая куда-то между севером и западом.

– Что это за штукавина? – пробормотал он. Его голос потерял сонливость и стал сосредоточенным – почти благоговейным, как бывало только с по-настоящему интересными задачами. – Где вы это взяли? Это же... не наше. Совсем. И не просто механическое...

Его пальцы скользнули по гладкому краю, ощупывая выгравированные завитки и угловатые символы. Читая металл так же, как Луна читала землю – через прикосновение.

– Металл холодный, плотный, непохожий на наши сплавы. – Вини говорил тихо, почти для себя, думая вслух. – Стекло толстое, выпуклое – для защиты или для фокусировки? Оба варианта интересны. – Он прищурился, разглядывая крошечные символы по ободку. – Эти

знаки похожи на руны из Священной Роши – те, что Твист показывает в свитках, – но другие. Родственники, не братья. Звёзды, волны... и вот эти – как сломанные стрелы. Или ключи. А стрелка...

Он потряс компас легонько. Стрелка дрогнула, завибрировала, но не сдвинулась с выбранного направления – только задрожала, как задрожала бы рука, которую кто-то тянет в сторону.

– Она не просто указывает север, – сказал Вيني медленно. – Она тянется. К чему-то конкретному. Не к полюсу – к точке. Чувствуешь? – Он протянул компас Лили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.